

Елена Трубина. «Город в теории»

ТРУБИНА Е. ГОРОД В ТЕОРИИ. М.: НЛО, 2011. 520 с. ISBN 9785867938239

Дарья Хлевнюк*

Аннотация. Известный отечественный урбанист Елена Трубина опубликовала книгу, посвященную разбору наиболее важных теорий города. От классической теории Зиммеля к новейшим глобализационным теориям, от экологического к экономическому подходу — автор представила исследования города во всем их разнообразии.

Ключевые слова. Елена Трубина, город, урбанистика, социология города, социология пространства.

Коллеги в Санкт-Петербурге жалуются: «Совершенно невозможно работать — почти каждый день где-нибудь проходит то семинар, то мастер-класс, то лекция про город, городское пространство, урбанистику». В журнале «Афиша» появляется статья: «Мини-бум книг по урбанистике»¹, в которой авторы обращают внимание на то, что за первые три месяца этого года одна за другой вышли три книги по исследованию города. Две из них — переводы зарубежных писателей (Р. Вучик «Транспорт в городах, удобных для жизни» и Дж. Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов»). Третья — книга Елены Трубиной «Город в теории» — написана на основе курса по урбанистике, который автор читает довольно давно. Отечественному читателю известны её эмпирические работы, в том числе исследование ментальных карт, опубликованное в сборнике «Визуальная антропология: карты памяти города». В книге «Город в теории» рассматриваются различные теории города: от макро- до микро-, от экономических до культурологических.

Исследования городов — область междисциплинарная, в которой различные подходы и парадигмы переплетаются в самых разнообразных сочетаниях. Задачей книги, говорит автор, является методологическая рефлексия по поводу этих подходов и парадигм. Впрочем, «Город в теории» — это, скорее, попытка картографирования разнообразных урбанистических теорий: их описание и выявление связей между ними. Книга действительно представляет методологическую ценность, но, скорее, не как рефлексия по поводу разнообразных подходов, а как реконструкция содержащихся в них аргументов, обзор инструментария.

---

* **Хлевнюк Дарья Олеговна** — MA in Sociology, стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ, d.khlevnjuk@gmail.com

Работа выполнена при поддержке программы «Научный фонд ГУ-ВШЭ», коллективный исследовательский проект «Учитель–ученики» 10-04-0005 «Человек и публичное пространство в современной Москве: исследование культурных трансформаций (на примере Государственного музея-заповедника Царицыно)».

© Хлевнюк Д., 2011

© Центр фундаментальной социологии, 2011

1. Данилкин Л., Грозный П. Мини-бум книг по урбанистике (<http://www.afisha.ru/article/9012/>).

Автор выделяет несколько групп исследований города. Вначале она различает классические и неклассические теории города, а затем членит их в соответствии с содержательными и дисциплинарными критериями (экология города, его экономика, повседневность в городе и т. д.), наконец, читателю предлагается обзор метафор города. Теории скрупулезно анализируются, приводятся примеры из фильмов и повседневного опыта (чаще всего — жителей Екатеринбурга) и фотографии. Все это делает анализ теорий более доступным и понятным.

В первой главе Е. Г. Трубина рассматривает классические теории, прежде всего работы Г. Зиммеля, причём не только его теорию города, но и взгляды социолога на изучение города в контексте общих идей об устройстве и функционировании общественных форм. Звания классиков достаиваются и представители Чикагской школы. А вот Вебер и французская школа почему-то не попадают в список классических исследователей города. С этим можно поспорить, например, французский автор К. Топалов в своей лекции во Французском колледже при МГУ наряду с Чикагской школой назвал классиками в этой области Вебера и Хальбвакса. Фигура Вебера в книге Трубиной не появляется даже в главе, посвященной городу как месту экономической деятельности, возможно, потому, что ее внимание в большей степени привлекает город современный.

Под неклассическими теориями, речь о которых идёт во второй главе, автор понимает постколониальные, феминистские исследования и Лос-анджелесскую школу. Постколониальные исследования по своему характеру конструктивистские. Их представители обостряют оппозицию колонизаторов и колонизируемых, фиксируют различия в пространственной организации городов. Обычно объектами изучения оказываются города в бывших колониях (например, в Индии) или крупные многонациональные города (к примеру, Нью-Йорк или Лондон). Феминистские исследователи обращают внимание на гендерные различия жителей города. В их работах поднимаются вопросы свободы и безопасности женщины в городе, взаимосвязи гендерных и классовых различий. Более подробно Трубина рассматривает Лос-анджелесскую школу урбанистов. Они предположили, что Лос-Анджелес является архетипическим городом конца XX века, обгоняющим многие города в развитии, а потому здесь можно обнаружить принципиальные тенденции развития городов. Впрочем, в отличие от Чикагской школы, Лос-анджелесскую можно назвать школой лишь с большой натяжкой, она менее структурирована, и связи между ее членами намного слабее. Однако их объединяет интерес к Лос-Анджелесу и общие принципы исследования, в том числе процессов реструктуризации. Автор подробно рассматривает работы трех представителей этой школы: М. Дэвиса, Э. Соджи и Ф. Джеймисона.

В третьей главе «Город и природа» автор объединяет несколько разных направлений — от представления города как экосистемы до акторно-сетевой теории. Города и природа — одна из оппозиций из постоянно воспроизводимого противопоставления общества и природы. По мнению Трубиной, взаимосвязь города и природы не так однозначна, как кажется. С одной стороны, действительно, город как символ цивилизации противопоставлен природе. С другой же — «создание города возможно было только за счет соединения человеческих и нечеловеческих (природных) ресурсов» (с. 135). Вопрос об экологии города затрагивается несколько поверхностно — Трубина упо-

минает о городе как экосистеме и об экологическом впечатлении, который города оставляют в окружающей среде, а также об экологической устойчивости города, тогда как круг соответствующих проблем намного шире. Автор вскользь описывает идеи социоэкологии и городской природы и переходит к, по-видимому, более интересной для нее акторно-сетевой теории. В книге подчеркивается, что город — это не только специфическая среда, в том числе и природная, но и техническая и материальная (с. 154). Трубина особенно увлекается описанием жизни микробов в городской среде, будучи, очевидно, вдохновлена известным исследованием Латура.

Далее рассматривается другой кластер городских теорий, изучающих новую мобильность и потоки передвижений в городской среде. Начинает автор с городского транспорта. Основными фигурами оказываются В. Кристаллер, Э. Ульман, Т. Харт и Р. Фогельсон. Трубина описывает, как географы и городские историки прослеживали изменения транспортных сетей и их влияние на пространство и развитие городов. Затем речь заходит о связи транспортных сетей и политической мобилизации. Основным является тезис: «Доступность для людей со скромными средствами общественного транспорта — важное проявление социальной справедливости» (с. 180), в подтверждение которого описываются несколько случаев политической борьбы вокруг доступности общественного транспорта.

Классический представитель теории городского пространства — А. Лефевр. Именно он предложил отказаться от метафоры контейнера в понимании пространства. Отталкиваясь от физической теории Ф. Хойла, Лефевр в своих работах развивает идею нестатичного пространства, связанного с опытом людей, проживающих в нем, с историей. Поэтому современные (модерные, как предпочитает называть их Трубина) города отражают смену ритмов и приоритетов в социальной жизни. Рост популярности и значимости автомобилей отражается в том числе и в изменении функции городских улиц: вместо мест встречи горожан улицы стали местами хранения и использования автомобилей (с. 187). Сюжет скорости как особой категории, ценность которой возросла в современном мире, рассматривается в книге на примере работ П. Вирильо. Он анализирует городские временные ритмы, используя категории пространства: плотность, сложность и разнородность (с. 194). Все эти концепции — предтечи появления теории новых мобильностей, разрабатываемой Дж. Урри. Впрочем, Урри — далеко не единственный социальный исследователь, рассматривающий социальную жизнь как мобильную и текучую, как сеть потоков. В этом смысле Урри стоит в одном ряду с Т. Ингольдом и Л. Малки, а также с Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, критикующими седентаризм (с. 197). Глава заканчивается обзором методов исследования мобильности городских жителей: наблюдения, «интервью на ходу», дневники и т. д.

Одна из причин появления новых типов мобильности — экономическое развитие городов. Города, с одной стороны, продукты экономического развития, с другой — его агенты. Урбанистическая теория, пишет Трубина, в основном интересовалась связью города и капитализма. Начало здесь было положено К. Марксом и Ф. Энгельсом. Несмотря на то, что Маркс не изучал собственно пространство, в котором развивается капитализм, его исследования имеют принципиальное значение потому что капиталистическое общество — в первую очередь, общество городское (с. 222). Ра-

боты Энгельса ближе к урбанистике, и Трубина даже называет его предтечей городской антропологии и социальной географии (с. 223). В наше время это направление в городских исследованиях представлено Д. Харви, который изучает «связь между деньгами, временем и пространством как основу процесса урбанизации» (с. 231). Капиталистический город — не только пространство для экономических операций, но и объект потребления. Харви пишет о купле-продаже городской земли как о *комодификации* пространства (т. е. превращении пространства в товар) и анализирует капиталистическую урбанизацию, связанную, в первую очередь, с рынком городской земли и классовой стратификацией в городе.

Что касается столь важной темы, как город и культура, то здесь автора интересует символическая экономика. Это понятие ввела Ш. Зукин, которая занималась исследованием богемных районов Нью-Йорка и других пространств в Манхэттене, где пересекаются экономика и культура. В этом же тренде работают урбанисты, изучающие производство культурных продуктов и креативные индустрии в городах.

Рассматривая теории глобализации, Трубина пишет, что в изучении влияния глобализации на развитие городов урбанистика соединяется с международной политической экономией и анализом мировых систем (с. 270). Основное внимание она уделяет теориям мировых и глобальных городов П. Холла, Дж. Фридмана и С. Сассен². Трубина называет и претензии, предъявляемые этим теориям: доминирование экономической логики в описании мировых городов (Э. Кинг), слабая эмпирическая база (П. Тейлор), игнорирование последствий изменений масштаба протекающих в городах экономических процессов (Н. Смит). От критики глобализации автор переходит к описанию важного феномена *джентрификации*. Она начинается с короткого кейса — джентрификации в Москве, на котором ясно видны механизмы смены престижности окраинных и центральных районов города. Но это лишь локальный пример мирового тренда. Н. Смит, главный теоретик джентрификации, показывает ее глобальность, за которой стоят не столько культурные, сколько экономические процессы. Джентрификация способствует расслоению общества, поскольку означает образование особого пространства для богатых жителей городов (с. 305). Обратная сторона глобализации состоит в том, что, когда все города так связаны между собой, становится крайне важно обозначить их различия. Для городской политики — это курс на брендинг и маркетинг города.

Существуют две модели управления городом: элитарная и плюралистская. Элитарную подробно рассмотрел Ф. Хантер, изучавший Атланту 1940–1950-х годов, другую охарактеризовал в своей работе Р. Даль, исследовавший Нью-Хейвен. По его мнению, элитарная модель осталась в прошлом, а в XX веке города перешли к модели плюралистской (с. 319). Вопрос о том, кто принимает решения, плавно был переформулирован в вопрос, какие решения и зачем принимаются. Так появилась идея, что «город — машина роста» (с. 321). Имеется в виду «коалиция элит, нацеленная на извлечение прибыли из городской земли и всего, что на ней возведено» (с. 322). Трубина подробно разбирает идеи Харви Молоча, который вывел эту формулу в 1970-е годы. Городская политика анализируется также в рамках теории городских режимов, в ко-

2. Рефераты сборника статей под редакцией С. Сассен «Расшифровывая глобальное» см. в: [Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1.](#)

торой рассматриваются не только формальные, но и неформальные практики принятия и исполнения решений. Эту теорию К. Стоун развивает на примере все той же Атланты 1946–1988-х годов. Д. Джад и П. Кантор выделили четыре цикла развития режимов в США. Представители другого направления, которое Трубина называет институциональными теориями, отстаивают тезис о том, что «в центре городской политики — формальные политические институты города» (с. 328). Ещё один кластер исследований — теории городского управления, которые рассматривают сети партнерств, вовлеченные в принятия решений. Согласно всем этим теориям, города представляют собой замкнутые системы, в которых принятие решений имеет свою, особую логику. Однако если изменить масштаб, становится понятно, что городская политика — лишь часть глобальных процессов. Трубина возвращается к идее выстраивания имиджа города, более подробно описывая *имиджиниринг* — концепцию, придуманную географом Ч. Рутгейзером (с. 346). Но город — пространство не только для решений элит, но и для социальных движений, митингов, протестов. Главным теоретиком концепции городских социальных движений является М. Кастельс.

Тема следующей главы, определяемая как «социальные и культурные различия в городе», по сути, уже раскрывалась в предыдущих разделах книги. Разве не о различиях городских жителей и пространств, не о миграциях и переездах, не о социальном неравенстве рассуждала автор, рассматривая городские теории? Но в этой главе подробнее описываются те урбанистические теории, в которых особое внимание уделяется разнообразию в городском пространстве. В первую очередь это разнообразие городских слоев, о котором пишет Л. Уирт. Но также — и разнообразие городского физического пространства, разнообразие как принцип городского планирования, к которому призывает Дж. Джекобс. Кроме того, здесь затрагивается проблема «Другого». В наши дни «Другой» — это и жители пригородов, которых исследовал Г. Ганс, и иммигранты и бедные. Наибольший интерес у автора вызывает проблема российских мигрантов. И, пожалуй, здесь единственный раз Трубина всерьез говорит о работах российских коллег, в остальных разделах речь идет в основном о трудах западных ученых.

От общих проблем городского пространства и встроенности города в глобальную среду автор переходит на уровень микроанализа, микросоциологии, социологии повседневности. Амбивалентность городской повседневности (с. 412) связана со сложным соотношением видимого и невидимого в городе, спокойствия, заданного развитыми городскими инфраструктурами, и страха перед неожиданными событиями. Одним из первых исследователей городской повседневности, вероятно, можно считать В. Беньямина. Появление фланерства было возможно только в городском пространстве, это особый тип поведения в городе, который, кроме всего прочего, делает заметным городской ландшафт. Автор вновь возвращается к идеям А. Лефевра, который предлагал рассматривать городскую жизнь именно с точки зрения ее повседневного характера. М. де Серто ближе по своим идеям к ситуационистам, ему интересны креативность и массовые движения, способы противостояния подавлению большого капиталистического города, для него большое значение имеют практики освоения пространства, «пространственные практики». Трубина отмечает, что здесь важен «поворот к языку», когда «не только городская реальность уже истолкована,

представая перед нами в тех или иных вариантах языковой репрезентации, но и чтение и речь выступают фундаментальными операциями городского существования» (с. 432). В книге рассматривается и критика идей де Серто. Например, М. Моррис обращает внимание на то, что его взгляд слишком универсален, так что повседневное в таком дискурсе оказывается банально обычным. Сама же теория кажется Моррису слишком абстрактной. Другой, более жесткий критик де Серто Н. Трифт отстаивает тезис о том, что нельзя заниматься исключительно культурными репрезентациями и идти от языка, а следует изучать действия человеческих и нечеловеческих акторов. Теория де Серто, по его мнению, слишком завязана на исследовании человека в городе, тогда как город — это не просто совокупность людей.

Последняя глава посвящена метафорам города. Трубина предлагает рассмотреть несколько таких метафор, обозначенных П. Лангером: базар, джунгли, организм и машина. В работе Амина и Трифта представлен другой набор метафор города, но автор выбирает типологию Лангера, хотя все метафоры в ней предполагают, что город — это в первую очередь сообщество людей. То есть в основании лежит именно та предпосылка, которую критиковал Трифт. Е. Г. Трубина не только описывает эти метафоры, но и рассматривает, как они работают в дискурсах по поводу российских городов, какие именно метафоры и в каких дискурсах задействованы. Общий вывод автора, впрочем, представляется нам довольно сомнительным. По мнению Е. Г. Трубиной, раз мы встречаем одни и те же метафоры и в урбанистическом, и в популярном дискурсах, это свидетельствует о том, что метафорика классической урбанистики захватывает популярный дискурс. Между тем метафоры являются дотеоретическими основаниями знания о мире, которые изначально могут разделяться членами сообщества, поэтому доказать здесь преимущество простым сопоставлением вряд ли возможно.

Подводя итог, заметим, что в России практически не пишут хороших учебников по социологии. Часто говорят, что наша дисциплина, дескать, потому и в кризисе, что «учить не по чему». Книга Е. Г. Трубиной «Город в теории» — итог многолетней работы над авторским курсом по урбанистике. Это путеводитель по теориям города, который может быть полезен как тем, кто только начинает заниматься урбанистикой, так и тем, кто уже сделал первые шаги в этой сфере. Возможно, логика изложения и выбора того или иного исследователя не всегда ясна, но Трубина предупреждает, что отбор производился в соответствии с ее личными представлениями о важности, актуальности и содержательности теорий. Можно с этим выбором не соглашаться, но можно ему и довериться. Вероятно, впервые за последние несколько лет в России вышла действительно хорошая обобщающая работа по не слишком развитой у нас, хотя и довольно популярной дисциплине, к тому же написанная чётким и понятным языком.